

Сборник посвящен памяти Л. И. Лаврова, крупного специалиста, сделавшего огромный вклад в историческую этнографию народов Кавказа.

Леонид Иванович обладал особым талантом увидеть сложную теоретическую проблему в ее обусловленности конкретно сложившейся ситуацией. Такое умение имеет особое значение для Кавказа, где требуется внимательное рассмотрение совокупности общих и частных моментов, т. е. учет самых конкретных обстоятельств. Благодаря широкому теоретическому кругозору, знанию языков, большому опыту полевых исследований и независимости мышления Л. И. Лавров занимал в науке самостоятельные позиции, не боясь временами оставаться в одиночестве. Назовем такие, теперь уже аксиоматические истины, за которые ему пришлось бороться: внешние по отношению к современному административным границам истоки этногенеза многих народов Кавказа; оценка исторического уровня развития конкретного общества без прямой интерполяции более поздней, зафиксированной лишь в XVII—XIX вв. социальной иерархии; сложное соотношение археологических культур с исторически известными на той же территории этнонимами и т. д. Л. И. Лавров первым занялся проблемой этнодифференцирующего значения эндогамии на материале народов Дагестана.

Его ученики с благодарностью, как и многие специалисты-кавказоведы, а также этнографы других специальностей, воспримут посвящение рассматриваемого сборника Л. И. Лаврову.

Открывает сборник краткая статья Л. И. Лаврова «Роль естественного географических факторов в истории народов Кавказа». В ней дана общая культурологическая оценка разнообразной ландшафтной среды региона, сделан ряд тонких замечаний о значении торгово-транспортных путей, как сухопутных, так и водных, приведены экологические наблюдения о влиянии среды, особенно климата и растительности, на характер жилищного строительства. Автор кратко суммирует этноэкологические выводы, сделанные им в предшествующих публикациях. Особенно важной представляется нам мысль о консолидации аварцев на маршруте естественных путей сообщения по ущельям Аварской Кайсу, агулов по верхнему течению Курах-чая, абхазов вдоль морского каботажного пути (с. 6). Не менее интересно заключение о вертикальной зональности двуязычия и многоязычия: жители более высоких местностей знают язык живущего ниже населения. Например, лезгини среднего и нижнего течения рек Самура и Курах-чая знают азербайджанский язык, рутульцы, живущие выше лезгин, владеют и лезгинским, и азербайджанским, а цахуры, расселенные еще выше рутульцев, — уже всеми тремя языками живущих ниже их народов (с. 6). В целом статья, несмотря на ее краткость и обзорный характер, представляет неоспоримый вклад в кавказоведение. Это взгляд большого специалиста, теоретика и практика этнографической работы, на целый ряд культурно-географических особенностей всего кавказского региона.

Следующая статья — В. П. Кобычева «Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе». Автор обращается к глубинным этапам этногенеза, используя данные этнотопонимики в освещении более поздних свидетельств фольклора и этнографии (с. 10). Оценивая эту статью, следует учитывать, что в настоящее время стремительно развиваются исследования именно по ранним этногенетическим эпохам на Кавказе. Лингвисты выступают с новыми классификациями языков, археологи прослеживают связи древних культур, историки углубляют представления о связях ранних государств Кавказа, особенно с переднеазиатскими центрами. Не должно удивлять нас и смелая гипотеза В. П. Кобычева о финно-угорской интерпретации некоторых кавказских топонимов (например, *Кура*), древних этнонимов (таких, как *удины*, *киммерийцы*, мифические *гам-стег*, фигурировавшие уже на исторической памяти *маджары* и др.).

В. П. Кобычевым затронут также вопрос об этнониме *амазонки*, к образу и проблеме которых рано или поздно не может не обратиться любой кавказовед. Автор предлагает финно-угорское толкование древнегреческого термина для амазонок и раскрывает его через этноним *гам* и название леса в адыгских — *мас // мез* и вепском языках — *мец*. Конечно, это только рабочая гипотеза. Она интересна, однако вызывает сомнения интерпретация термина *гам*. Функционально-семантическая основа этого термина (*gla*) уходит в глубокую древность, где она породила целое гнездо понятий, связанных с родо-племенными отношениями (*gladina* — человек, оставшийся без соратников; *gladvaхana* — человек, имеющий поддержку многочисленных соратников; *glera* — воинское подразделение и т. д.). Этот же формант определяет мужские возрастные воинские группы. По мнению одного из авторов рецензии, *гам* скорее всего первоначально относилось к категории девушек-воинов, но позднее было отнесено к образу волшебной женщины-оборотня.

В русле гипотетических построений В. П. Кобычева об этнониме *удины* можно было бы привлечь факт из истории довольно продолжительного господства народа утиев в Шумере. Хотя и нет необходимой ясности в этом вопросе, указанный факт требует обращения при изучении древней кавказской этнонимии не только к северным территориям, но к области распространения ранних переднеазиатских цивилизаций.

Сложная задача реконструкции этнических отношений и этапов консолидации грузинского самосознания поставлена Г. В. Цулая в статье «Этнокультурный аспект исторического процесса в раннефеодалной Грузии (V—X вв.)». Изучая этнокультурные ситуации, борьбу, взаимовлияния Г. В. Цулая, без обращения к разнородным и разноречивым свидетельствам эпохи (анализу стилей архитектуры, византийского этикета и т. д.), сумел провести глубокий исторический анализ письменных источников с целью их этнографической интерпретации. Автор, использующий в основ-

ном житийную и другую церковную литературу, понимает ограниченность своих источников. Так, в ней лишь изредка встречаются свидетельства о позиции народных масс в сложной идеологической борьбе, например «прямое указание на непричастность собственно армянского этноса к армяно-грузинским церковным пререканиям» у католикоса Арсения Сапарийского (IX в.— с. 73). Ценность древнегрузинских источников не только в их уникальности. В них отражено уже «зарождение навыков исторического мышления» (с. 39), имеется представление об исторической перспективе, хотя бы в виде рецептов библейских мотивов в проповеднических целях (с. 40), а также передавшихся изустно, а потом закрепленных в сказаниях о сирийских подвижниках (с. 50) и т. д. И главное, что имеется в этих источниках, как показал Г. В. Цулая,— насыщенность этих источников важнейшей духовной проблематикой соответствующей эпохи: самоопределение грузин среди христианских народов «византийского круга»; борьба с маздеизмом; армяно-грузинское политическое и церковное расхождение, культивировавшееся сасанидским Ираном и насаждавшееся мусульманской экспансией.

Основной социально-идеологический вопрос эпохи — отношения раннефеодального абхазо-грузинского государства с Византией — автор трактует в плане борьбы грузинского этноса против ассимиляции греками, «абсорбции» ромеями (с. 58, 61, 70, 79). Думается, что здесь допущена явная натяжка: распространение христианства в V—X вв. не только в Закавказье, но и в других странах, например европейских, отличалось универсалистскими тенденциями, что, впрочем, помогало раннефеодальной этнической консолидации. Автор мог бы обстоятельнее коснуться христианского универсализма и тем самым более рельефно показать внутренние, собственно этнические процессы.

Факты, приведенные в статье Г. В. Цулая, убедительно подтверждают высокую оценку консолидирующей роли грузинского языка (с. 44), знаний традиций прошлого (с. 46), роль горцев-грузин в отражении военной опасности (с. 58) и др.

Большая работа Г. А. Сергеевой посвящена этноязыковым аспектам межэтнических связей в Дагестане (вторая половина XIX—XX в.). Благодаря обширности материала и точности его изложения эту статью можно назвать справочником по этноязыковой ситуации в Дагестане. Разобравшись в отнюдь не простом переплетении языковых контактов с разнообразными экономическими, социально-культурными и брачными связями рассматриваемого региона автору помогает понятие «этноконтактных зон», акцентирующее повышенную интенсивность связей (с. 101). Этноконтактная зона — это поле консолидационных и ассимиляционных процессов. Процессы такого рода протекали также в прошлом и представляли собой важный этногенетический механизм. К примеру, некоторые аварские группы состоят из ассимилированных чеченцев, а в состав последних включены выходцы из многих народов Дагестана.

В статье кратко характеризуется роль письменности на местных языках, а также роль русской грамоты и русского языка в современных условиях. Хотелось бы отметить в связи с этим необходимость изучения еще мало известных обстоятельств, связанных с существованием в прошлом горских алфавитов на арабской графической основе, но это — тема будущих исследований.

Осетино-вайнахским этнокультурным связям посвящена статья Б. А. Калоева. Автор обращается к явлениям материальной культуры, социально-правовым нормам, погребальному культу, почитанию святых, праздникам, свадебным и другим обрядам, языческим верованиям и устному творчеству. Использованный материал разнообразен и обширен. Но в нем на первый план выдвинуты специфично осетино-ингушские связи, возникшие в результате тесного соприкосновения двух этносов. Более пристальное внимание к чеченскому материалу позволило бы острее поставить вопрос о значении кавказского субстрата в целом для этногенеза осетин, дало бы хронологическую градацию всем фактам, изложенным в обстоятельной статье Б. А. Калоева. Хотелось бы отметить одну немаловажную частности: наименование осетин, данное вайнахами, — *xluru*, которое традиционно возводится к термину *ирон*, при использовании вайнахских данных выглядит иначе: у восточных чеченцев *xluru* — это не название другого этноса. Оно относится к населению, находящемуся «в центре». Причем этот термин — географическое обозначение центральной местности, затем перенесенный на обитателей, там живущих.

Научно-объективная статья Б. А. Калоева вскрывает всю сложность этнокультурного процесса, протекающего на основе взаимного обогащения соседних народов.

Большой интерес вызывает статья Н. Г. Волковой «Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX — начало XX в.)». Цель автора — проанализировать исторически длительные контакты, проявляющиеся в общественном быту (с. 163). Материал рассматривается по рубрикам: «Хозяйственные основы этнокультурных контактов», «Природные и социальные факторы этнокультурных контактов», «Гостеприимство, куначество и патронат», «Аталычество, усыновление, побратимство», «Народное управление и суд. Праздники». Последняя, заключительная часть статьи — «Некоторые последствия этнокультурных контактов народов горного Кавказа».

Как видим, в статье обобщен огромный, тщательно собранный, во многом полевой этнографический материал. В результате вырисовывается картина длительно существовавших социальных, политических, культурных и брачных связей, которые были гораздо шире зоны контакта двух соседних народов. Поэтому Н. Г. Волкова правомерно оперирует не только понятием «этноконтактная зона», но и более общим — «этнокультурные контакты». Такой широкий подход, очевидно, позволит будущим исследователям приблизиться к представлению о Кавказе как историко-этнографической области и дать его внутреннее этнографическое районирование. Опыты такого рода уже предпринимались в советском кавказоведении, но каждый раз ареальные дефиниции культуры горных народов наталкиваются на трудности. Работа Н. Г. Волковой заставляет сделать вывод об особом, хозяйственно-культурном полиморфизме горных обществ, что приводило к пластичности

быта, менявшегося в зависимости от военно-политической обстановки в крае, от демографической ситуации, обменных рынков и т. д. Н. Г. Волкова отмечает, что в этих условиях складывались даже общие религиозно-культурные центры (с. 200—203). Поэтому мы вправе заключить, что широко бытующее мнение об изоляционизме горных обществ не соответствует истинному положению вещей. Кстати, отсутствие интенсивного денежного обращения в крае отнюдь не мешало оживленному натуральному товарообмену. Это необходимо учитывать при оценке уровня развития общественного строя конкретных обществ. Безусловно, что в преобладающем скотоводческом хозяйстве кабардинцев до середины XIX в., земледельческом — у чеченцев, ремесленном — в ряде центров Нагорного Дагестана и т. д. не следует видеть критерии эволюции социальных институтов. Перед нами скорее всего факты хозяйственной специализации.

Особое место в сборнике принадлежит статье Я. С. Смирновой «Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция» — исследованию тех социальных институтов, которые выполняли регулятивно-контролирующую роль в классовом обществе, лишенном резкой имущественной и социальной дифференциации, в условиях большой личной свободы его рядовых членов.

Искусственное родство в форме атальчества, усыновления и побратимства много раз описывалось наблюдателями и анализировалось теоретически. В рецензируемой статье основное внимание уделяется не столько генетическим корням этих институтов, сколько механизмам их функционирования, хотя затрагивается и проблема их трансформации. Автор показывает вовлечение форм искусственного родства в основные обряды жизненного цикла: детский, свадебный, а затем переходит к фактам установления родства в чрезвычайных случаях (казуальная адопция), к институту побратимства и посестримства и, наконец, к присяжным (клятвенным) братствам. Статью завершает теоретически насыщенное заключение — «Искусственное родство в системе раннеклассовых связей».

Несомненно по-новому удалось взглянуть Я. С. Смирновой на социально-культурную роль искусственного родства благодаря функциональной типологии его институтов, основанной на учете конкретных ситуаций — казуальное и окказиональное родство. Отражает конкретную действительность и такое типологическое наблюдение Я. С. Смирновой: феодальная знать предпочитала искусственное родство в виде атальческих связей, включающих лиц разных поколений (аталык и воспитанник), а крестьянство — побратимство и присяжные братства как форму социальной защиты от давления верхов (с. 235, 241).

Осмысливая факты, Я. С. Смирнова обращается и к генетическим реконструкциям. Так, чечено-ингушский тейп представляет собой, по ее мнению, более архаическую форму кровнородственных связей, чем присяжные братства западных адыгов (с. 241). Можно, следуя мысли М. Ковалевского, видеть в присяжных братствах прежде всего институт, направленный против социальных верхов, который, выполнив свою функцию, стал терять значение. Но у западных адыгов антифеодальная крестьянская борьба была зафиксирована историческими источниками XVIII и XIX вв., тогда как у чеченцев и ингушей эта борьба, видимо, уже завершилась в XVI—XVII вв., вследствие чего прямое назначение братств оказалось размытым и было плохо отражено в источниках. Именно поэтому трудно этнографически корректно установить все элементы системы искусственного родства, скажем, в обрядах жизненного цикла.

Сборник завершает статья А. Е. Тер-Саркисянц, посвященная браку и свадебному циклу у армян, в которой сконцентрирован большой материал, охватывающий разные локально-этнографические группы. Весьма плодотворно особое внимание автора к историческим источникам, что позволяет вскрыть особенности исторического развития армянского этноса. Для исторической этнографии немалое значение имеет анализ терминологии и детальное рассмотрение брачных обычаев. Укажем хотя бы на такие факты: мать невесты получает со стороны жениха особую плату — «цену молока»/«груды» — с. 252; особую роль в заключении брака играет материнский дядя — с. 252, 259; значение пищи в оформлении свадебного цикла — с. 260, 262 и др.; выраженный культ предков — с. 268—269; культ очага — с. 271—272; магическое отношение к деторождению — с. 269; «свадебное дерево» как элемент обряда — с. 270—271 и т. д.

Некоторые моменты армянского свадебного обряда А. Е. Тер-Саркисянц интерпретирует посредством сравнения с обычаями других народов Кавказа: например, использование в свадебных обрядах армян Абхазии ритуального полотенца, что, возможно, является заимствованием из абхазского быта (с. 279). К материалам А. Е. Тер-Саркисянц можно привести также северокавказские параллели. Так, обряд венчания у армян Нагорного Карабаха очень близок осетинскому и ингушскому. У чеченцев существовали сходные обычаи с дарением яблока, покрыванием невесты красным платком, жертвоприношением ягненка у порога. Ритуальное «убиение» женихом домашних животных в момент свадьбы у армян имеет аналогию в этнографии адыгских народов.

Общее направление сборника, обозначенное во «Введении» как изучение этнической истории, выдержано. Он отвечает возросшему уровню этнокультурных исследований в нашей стране. Немаловажно также, что статьи сборника, написанные с глубоким знанием дела, объективно пронизаны духом интернационализма, уважения к культурам всех народов Кавказа. Наконец, это издание, достойное памяти Л. И. Лаврова, которому в 1989 г. исполнилось бы 80 лет.

С.-М. А. Хасиев, Я. В. Чеснов